

Ю.Г. Бит-Юнан, А.С. Митюшова

МЕЖДУ «НОВЫМ МИРОМ» И «ПОСЕВОМ»: К СУДЬБЕ ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е.С. ГИНЗБУРГ И В.С. ГРОССМАНА

Авторы публикации восстанавливают историю рассмотрения рукописи «хроники» Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут» в советских журналах «Новый мир» и «Юность». Выдвигается предположение, что одной из главных причин отказа печатать это произведение стало то обстоятельство, что оно попал в «самиздат», а оттуда – в подпольно изданный альманах «Феникс 1967» и впоследствии в эмигрантские журналы «Посев» и «Грани». Дополнительным аргументом против публикации «хроники» было то, что Гинзбург могла быть привлечена к уголовной ответственности в связи с началом процесса против А.Д. Синявского, Ю.М. Даниэля и связанных с ними лиц. Исследователи также сравнивают историю публикации мемуаров Гинзбург с аналогичной историей публикации романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба». Это позволяет им утверждать, что в 1960-х годах в советской системе формировались различные механизмы отчуждения литературного произведения от автора.

Ключевые слова: Е.С. Гинзбург, В.С. Гроссман, А.Т. Твардовский, Б.Н. Полевой, В.П. Аксёнов, «Новый мир», «Юность», «Посев», «Грани», А.Д. Синявский, Ю.М. Даниэль.

Имя советского журналиста и прозаика Е.С. Гинзбург предсказуемо ассоциируется с мемуарами «Крутой маршрут». Впервые они публиковались за границей с 1967 г., а в СССР – два десятилетия спустя¹.

Критики повсеместно отдавали должное таланту и мастерству автора. Однако ни разу не ставился вопрос о причинах, в силу которых «Крутой маршрут» так и остался единственным сочинением писательницы.

Ни история создания книги, ни история публикации до сих пор не изучены. Литературоведы обычно лишь воспроизводят сказан-

ное автором в эпилоге или анализируют исторический контекст книги и ее проблематику². Данная статья – попытка устранить лакуны.

* * *

Арест в 1937 г. стал, что называется, переломным событием в жизни Гинзбург. Затем – лагерь, поселение в Магадане. Реабилитирована в 1955 г. По ее словам, «запомнить, чтобы потом написать! – было основной целью моей жизни в течение всех восемнадцати лет. Сбор материала для этой книги начался с того самого момента, когда я переступила порог Казанской внутренней тюрьмы НКВД»³.

В 1959 г. началась работа над «хроникой». Согласно Гинзбург, не прошло и трех лет, как она «стала автором объемистой рукописи примерно в 400 машинописных страниц».

Изначально рукопись получила заглавие «Под сенью Люциферова крыла». Но, по словам Гинзбург, была позже сожжена. Причина определена невнятно: «Я еще и еще раз перечитала свой первый вариант, битком набитый стихами и эмоциями, и поняла, что это еще не книга, а только материалы к ней».

Уместно предположить, что причина была политической. Автор считал первую редакцию книги направленной против советского режима в целом, однако «Новый мир» опубликовал повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», о продолжении десталинизации рассуждал и Н.С. Хрущев на XXII съезде партии. Потому ситуация уже не воспринималась как однозначно пессимистическая.

Соответственно, Гинзбург для начала заменила эпиграф к «хронике». Новый, по ее словам, перемещал «центр тяжести в область конкретной борьбы с наследием Сталина. А когда наступил конец моим многолетним квартирным мытарствам и я получила кооперативную однокомнатную квартиру, я сожгла старую папку, которую столько лет прятала и перепрятывала в коммунальных условиях».

Впрочем, о политической направленности книги «Под сенью Люциферова крыла» сейчас можно только спорить. Новая редакция была закончена в январе 1963 г., после чего Гинзбург отправила письмо А.Т. Твардовскому, где автор просил ознакомиться с сочинением: «Вопрос мой к Вам заключается в следующем. Я не писатель, но я преподаватель литературы и журналист, и поэтому я не могла не обращаться к карандашу на разных этапах моего кругового маршрута. После реабилитации я привела эти записи в относительный порядок»⁴.

Гинзбург утверждала, что всегда оставалась коммунисткой:

В отличие от Солженицына, я писала не о так называемых «военных преступниках», а о «наборе 1937 года», о коммунистах, поставленных в эти условия. Их существование в тюрьме, лагере, ссылке имело свою специфику, отличную от того, о чем пишет Солженицын. После выхода 11-й книжки «Нового мира» все наши реабилитированные страшно взволнованы. За последние дни я получила из Москвы несколько писем от друзей по ссылке, читавших мои записки. Они все пишут, что я должна обратиться к Вам с просьбой прочесть мою рукопись. Вот об этом я и прошу Вас⁵.

Спустя почти год, в декабре 1963 г., Гинзбург получила ответ от Твардовского: «Согласитесь, что никаких предварительных, – до ознакомления с Вашей рукописью, – гарантий относительно ее опубликования мы Вам дать не можем. Конечно, повесть Солженицына поставила перед произведениями сходной тематики весьма высокую норму художественной требовательности, норму, от которой журнал уже не сможет отступить. “Принципиальная возможность” опубликования Вашей рукописи только в этом. Присылайте рукопись»⁶.

Вскоре ситуация радикально изменилась. Твардовский специально для редколлегии подготовил письмо, где, признавая литературные достоинства книги, а главное, правдивость, отмечал и недостатки, которые можно было устранить при редактировании. Зато главную причину отказа определил недвусмысленно:

Но не о том и не о другом сейчас речь при решении вопроса о судьбе рукописи, обнимающей, между прочим, лишь начальный этап «мытарств» героя-автора, лишь первые два года из 17, проведенных в тюрьмах и лагерях, и снабженной указанием «конец первой части». Дело в том, что «портфель Нового мира» перенасыщен материалом, который широким потоком пошел в нашей литературе в результате опубликования повести А. Солженицына и ее огромного воздействия на литературный процесс. Редакция не вправе отдавать на своих страницах предпочтение этому материалу, становясь как бы редакцией журнала «Каторга и ссылка», а не журнала современной советской жизни во всем ее многообразии и разносторонности. Это тем более нужно учитывать, что редакция уже располагает достаточным и даже избыточным количеством страниц сходного по теме с рукописью Гинзбург-Аксёновой материала, опубликование которого представляется ей куда более необходимой задачей по существу. По крайней мере – в настоящее время редакция должна воздержаться от подготовки рукописи Е.С. Гинзбург-Аксёновой к печати⁷.

В эпилоге «Крутого маршрута» Гинзбург комментировала отказ. По ее словам, в отделе прозы «Нового мира»

к моей работе отнеслись с сочувствием и пониманием, главный редактор почему-то подошел к ней с явным предубеждением. Мне передавали, что он говорил: «Она заметила, что не все в порядке, только тогда, когда стали сажать коммунистов. А когда истребляли русское крестьянство, она считала это вполне естественным». Тяжкое и несправедливое обвинение. Конечно, мое понимание событий до тридцать седьмого года было крайне ограниченным, о чем я и пишу со всей искренностью. Но услышав такой отзыв Твардовского о моей работе, я подумала, что вряд ли он прочел ее, а не просто бегло перелистал. Иначе он не мог бы не заметить, что вопрос о личной ответственности каждого из нас – основная моя боль, основное страдание. Об этом я пишу подробно в главе, озаглавленной «Меа culpa» (Моя вина). Но Твардовский не заметил даже этого заголовка⁸.

Понятно, что Твардовский читал лишь главы, относящиеся к тюремному заключению. Это первая часть «хроники». Вторую – не прочел. А там и описывались события 1939–1940 гг. Следовательно, с главой «Меа culpa» тоже не ознакомился.

Рукопись «Крутого маршрута» автор передала и в редакцию журнала «Юность». По ее словам – почти одновременно с отправкой в «Новый мир». Надеялась, вероятно, на помощь главного редактора – Б.Н. Полевого. Однако и там получила отказ.

Причина была аналогичной – изменение политической ситуации. По словам Гинзбург, на «тему наложено табу. И наконец в один прекрасный день редактор Полевой в разговоре со мной воскликнул: “Неужели вы всерьез надеялись, что мы это напечатаем?” После чего “Юность” переслала мою рукопись на хранение в Институт Маркса – Энгельса – Ленина, где, как писалось в сопроводительной бумажке, “она может явиться материалом по истории партии”».

Таким образом, руководство двух советских литературных журналов, ссылаясь на различные обстоятельства (начиная с того, что автор винит всех, кроме себя, и заканчивая указанием на изменение политической ситуации), отклонило рукопись. Однако история, как известно, не закончилась.

* * *

По словам Гинзбург, дальнейшее происходило без ее участия. Да и без ведома тоже: «Как только рукопись попала в редакции двух популярнейших толстых журналов, началось пятилетнее пла-

вание ее по бурным волнам самиздата. Рукопись, с которой снимались десятки, а может, и сотни копий, с фантастической быстротой размножалась и переходила границы Москвы. Когда я начала получать читательские отзывы из Ленинграда и Красноярска, из Саратова и Одессы, я поняла, что совершенно утратила контроль за удивительной жизнью моей ненапечатанной книги».

Трудно понять отношение самой Гинзбург к новой ситуации. С одной стороны, успех «хроники» в самиздате был колоссальным, что не могло не радовать автора. С другой стороны, это вряд ли могло компенсировать утрату более широкой аудитории. Опять же высокие советские гонорары исключались.

Однако более странно другое. Рукопись появилась в самиздате не после официального отказа – что еще можно было бы расценить как попытку помочь автору, – а именно тогда, когда шло обсуждение сразу в двух редакциях. Эта мысль акцентирована самой Гинзбург: «*Как только* рукопись попала в редакции двух популярнейших толстых журналов, началось пятилетнее плавание ее по бурным волнам самиздата (курсив наш. – Ю. Б.-Ю., А. М.)».

«Самиздат» – крайняя мера, но никак не сопутствующая. Отсюда следует, что инициатором Гинзбург вряд ли была. Так или иначе, ей пришлось признать, что «к концу 1966 года все надежды на какую-то, кроме самиздатовской, жизнь книги были погребены».

Тем не менее прогноз не был точен. Книга вскоре пересекла границы «самиздата»: «Непредугадываемо переплетаются разные пути в нашем удивительном веке. Вдруг я увидела свою книгу (по крайней мере, первую ее часть и кусок второй) напечатанной в Италии. Меня – долголетнюю обитательницу ледяных каторжных нор с преобладающим звуком Ы в названиях местностей (МЫлга, ХатЬИнах и т. д.) – напечатали в сладкозвучном Милане. А потом и в Париже, и в Лондоне, и в Мюнхене, и в Нью-Йорке, и в Стокгольме, и во многих других местах».

Тут Гинзбург неточна. Книга опубликована не сначала в Италии, а потом в Германии. Она публиковалась параллельно в двух странах, и произошло это в 1967 г.

В Германии фрагменты «хроники» напечатала газета «Посев». С 1968 г. она выпускалась как журнал одноименного издательства⁹. Затем фрагменты печатались журналом «Грани». Его выпускало то же самое издательство¹⁰.

Более того, не исключено, что первые публикации появились именно в немецкой эмигрантской периодике. Точные сроки установить практически невозможно, поскольку иностранные издатели не имели обыкновения указывать дату подписания рукописи в печать.

Все прочее, сказанное Гинзбург, вполне достоверно. Издательствами «Mandadori» и «Посев» опубликована первая часть книги и несколько глав второй.

Первая публикация предварялась редакционной заметкой: «В этом номере “Посева” мы начинаем печатать отрывки из хроники “Крутой маршрут” Евгении Гинзбург. Это произведение является центральным материалом подпольного журнала “Феникс 1967”»¹¹.

Далее следовало пояснение: «Слухи о том, что мать писателя Василия Аксёнова, репрессированная в ежовщину и освобожденная после XX съезда, написала свои воспоминания, ходят по Москве уже два-три года. Рассказывали, что воспоминания посвящены годам “культа личности”, что они были отданы якобы в редакцию журнала “Новый мир”, что произведение это оставляет неизгладимое впечатление».

Затем – краткая биографическая справка, а в конце – горький упрек по адресу редакции «Нового мира» и не только: «В наши дни острой борьбы против попыток возрождения в России сталинизма в высшей степени важно такое свидетельство, такое напоминание о том немыслимом зле, которому подвергались люди и страна в те годы. Да только ли в те? Читая воспоминания Е. Гинзбург и сравнивая то время с нынешним, в который раз убеждаешься, что в принципе мало что изменилось. И наглядным доказательством этого является тот факт, что “Хроника времен культа личности” публикуется не в СССР, а за границей, не в “Новом мире”, а в “Посеве” и “Гранях”».

Предисловие довольно информативное. Читателю сообщили о родстве автора крамольной «хроники» с вполне благополучным тогда советским писателем В.П. Аксёновым. Да еще и упомянуто было, в каком именно подпольном журнале опубликованы фрагменты рукописи, неизвестно как пересекшей границу.

Упоминание о «Фениксе 1967» имело силу политического доноса. История этого журнала в точности соответствовала смыслу его названия. Как сообщила редакция, «25 января парижское представительство журнала “Грани” разослало информационным агентствам и редакциям газет нижеследующее пространное сообщение о выходе в СССР подпольного машинописного журнала “Феникс 1966”, об арестах его участников и демонстрации молодежи в их защиту, о самом журнале “Грани” и его роли в борьбе за свободу творчества»¹².

Упоминалось также, что арестован и редактор «Феникса 1966» – поэт А.Т. Галансков. Сам же выпуск 1966 г. был охарак-

теризован как несомненно более революционный и радикальный, нежели предыдущий номер «Феникса», напечатанный в 1961 г.

Однако редактор «Феникса 1966» оказался не единственным арестантом. Вместе с ним арестовали журналиста А.А. Добровольского и выпускницу Московского института культуры В.И. Лашкову, занимавшуюся перепечаткой различных самиздатовских публикаций.

Галансков был приговорен к семи годам лишения свободы, Добровольский и Лашкова – к двум и одному году соответственно.

Могла ли постигнуть авторов «Феникса 1967» судьба Галанскова, Добровольского и Лашковой? Вполне допустимо. И пусть рассуждение об истории в сослагательном наклонении считается наиболее слабым аргументом из всех возможных, было бы ошибкой не учитывать того обстоятельства, что и арест Гинзбург не исключался.

Сама эта ситуация с публикациями за границей также напоминала о скандале с романом Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Ну а «двойная» литературная жизнь провоцировала ассоциации с «делом Ю.М. Даниэля и А.Д. Синявского».

Оба, как известно, были осуждены в 1966 г. И одна из наиболее известных статей Синявского – «Что такое социалистический реализм» – как раз была опубликована в «Фениксе 1966». Более того, Галанскова приговорили к семилетнему заключению не только потому, что он был составителем альманаха. Он был также связан с делом Синявского – Даниэля, участвовал в подготовке так называемой «Белой книги», изданном за границей сборнике документов о скандальном суде над советскими литераторами¹³. Редактор и составитель этого сборника, журналист А.И. Гинзбург, также был арестован в январе 1967 г. и впоследствии приговорен к пяти годам лишения свободы. Под следствием оказались четыре активиста «самиздата», и суд над ними позже вошел в историографию как «Процесс четырех». Галансков пять лет спустя умер в лагере.

Следовательно, рукопись Гинзбург оказалась в подпольном советском альманахе и в двух откровенно антисоветских иностранных журналах. При этом Твардовский и Полевой не могли не знать о самиздатовском бытовании «хроники». И как только узнали, вопрос о публикации, надо полагать, уже не ставился.

Потому не исключено, что, отправляя рукопись «Крутого маршрута» в институт Маркса – Энгельса – Ленина как материалы по истории партии, Полевой на самом деле пытался защитить Гинзбург, «легализуя» текст и присваивая ему статус исторической хроники, точнее акцентируя, что он ею является. Это же спасало и

репутацию Аксёнова, не раз публиковавшегося в «Юности». Вряд ли редактор мог сделать больше.

Действие было, судя по всему, благовременное, поскольку ситуация становилась угрожающей. По словам Р.Д. Орловой и Л.З. Копелева, после появления эмигрантских публикаций в редакции газеты «Известия» состоялось собрание, которое посетил сам министр госбезопасности В.Е. Семичастный. Он прямо заявил, что книга – «клеветническое произведение, помогающее нашим врагам»¹⁴.

Высказывание Семичастного напугало Гинзбург, «вернуло былые страхи», по словам мемуаристов. Поэтому они также попытались защитить Гинзбург и устроили ей интервью с корреспондентом итальянской газеты «Unita», в котором она заявила: «Книга издана за границей без моего ведома и согласия».

Не исключено, что эти меры в конечном счете и обезопасили ее: политических последствий не наступило. Однако и писательницы Гинзбург больше не было. Позже она опубликовала всего несколько статей в периодике – и то под псевдонимом «Аксёнова».

Редакцию же «Посева» заявление Гинзбург, что книга печатается без ее согласия, не остановило. На то была причина. Издательство «Посев» отказало Гинзбург в праве на ее же книгу. Первая публикация «Крутого маршрута» предварялась объявлением: «Copyright 1967 by Possev-Verlag, Frankfurt / Main. Все права сохранены за издательством “Посев”. Перепечатка без согласования с издательством, даже в выдержках, воспрещается»¹⁵.

Такое же объявление поместил журнал «Грани». Оно и понятно: издатель один и тот же¹⁶.

Впоследствии, вероятно, возникла проблема разделения полномочий между немецкой и итальянской сторонами, поэтому уже в первом посевовском книжном издании права были поделены: «World Copyright 1967 by A. Mondadori Editore S. p. A., Milano Copyright for Russian 1967 Possev-Verlag, V. Gorachek KG, Frankfurt / Main Printed in Germany»¹⁷.

Эдиционная теория и практика издательства «Посев» в принципе необычны. Как в самом журнале «Посев», так и в ежеквартальнике «Грани» регулярно печаталось «Обращение издательства “Посев” к литературной молодежи и студенчеству, к писателям, поэтам, литературным критикам, к деятелям искусства, науки и техники – ко всей российской интеллигенции». Издательство призывало всех, кто имеет доступ к запрещенным советской цензурой произведениям или книгам, опубликованным лишь «самиздатом», отправлять эти книги ему. Они могли быть напечатаны в «Гранях»,

журнале «Посев» или отдельным изданием. Рекламировалась также возможность перевода этих книг на другие языки.

Вопрос обнаружения или сокрытия имени автора оговаривался отдельно: «Рукописи могут быть подписаны как фамилией автора, так и псевдонимом. В последнем случае издательство принимает необходимые меры для того, чтобы исключить возможность установления личности автора, и гарантирует, что оригинал рукописи не попадет в чужие руки»¹⁸. Однако очевидно, что здесь проблема не решается, а, наоборот, ставится. Ведь при желании можно выдать подделку за авторский текст. И «автор» таким образом будет вынужден спорить и доказывать, что он не писал этого и тем более никогда бы не решился такое опубликовать. Но дело будет сделано – его имя по меньшей мере будет дискредитировано.

Оправдывался такой алгоритм очень просто, но юридически совершенно безосновательно: «Рукописи, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора, – они становятся достоянием российской литературы. Поэтому наше издательство считает прямым своим долгом способствовать публикации таких рукописей, поскольку новая российская литература лишена политической цензурой права голоса у себя в стране. При этом мы, естественно, не пытаемся заручиться формальным разрешением автора на такие публикации».

Здесь снова проблем больше, чем их решений. Как доказать, что рукопись не «ходила в самиздате»? Никак. Как автору доказать, что его разрешения никто не спрашивал? Тоже никак.

Но коль скоро рукопись напечатали, значит, она «в самиздате ходила» или же кто-то отправил ее за границу. Тогда как доказать, что не автор ее туда послал? Опять же никак. А публикация в эмигрантском журнале – факт, с которым не поспоришь.

Публиковали авторов – или же публиковались авторы – не только ради сохранения литературного наследия. Им за это были обещаны деньги: «Авторские гонорары в размере, соответствующем установленным в “Посеве” ставкам, будут храниться в издательстве до того времени, пока автор найдет возможность получить их». Сколько платили за авторский лист, конечно, сказано не было.

Наконец, был указан и способ доставки рукописей в издательство: «Пересылать рукописи в издательство “Посев” можно как через своих граждан, едущих за границу в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР».

Таким образом, издательство, с одной стороны, знакомило читателя с запрещенной литературой, а с другой – сознательно под-

вергало немалому риску едва ли не всех опубликованных. Гинзбург, похоже, стала жертвой такого рода практики.

Сама она написала об этом деликатно:

Это совсем новая тема, рожденная нашим странным временем и его феноменами. Тема о душевном состоянии автора подобных изданий. Противоречивые чувства раздрают его. С одной стороны, он не может сдержать естественного чувства радости при виде своей рукописи, превратившейся в книгу. Но с другой... Без моей правки, без всякого моего участия в издании... Без возможности исправить типографский брак (русское издание пестрит ошибками в орфографии и пунктуации)... Точно твоего погибавшего ребенка спасли какие-то чужестранцы, но при этом его полностью оторвали от тебя. А тем временем и земляки дают несчастной матери почувствовать: она виновна не только в том, что породила нежеланное для властей дитя, но и в том, что не смогла удержать его дома.

Так или иначе, книга вступила в новую фазу своего бытия: из догутенберговской, самиздатовской, родной отечественной контрабанды она превратилась в нарядное детище разноязычных издательств, перекочевала в мир роскошной глянцевої бумаги, золотых обрезов, ярких суперобложек. Полное отчуждение произведения от его автора!¹⁹

* * *

Цитированные выше суждения напоминают о событиях более ранних. Прежде всего – об истории публикации романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба».

Как известно, закончив работу над романом летом 1960 г., Гроссман передал рукописи в «Новый мир» и «Знамя». Договор был подписан с редакцией «Знамени», аванс выплачен²⁰. Затем редколлегия признала роман антисоветским. В феврале 1961 г. сотрудники КГБ конфисковали рукописи «Жизни и судьбы», после чего автор написал Н.С. Хрущеву письмо с просьбой вернуть книгу. Просьба не была выполнена. М.А. Суслов лично объяснил всевозможным знаменитому прозаику, что публикация невозможна по соображениям принципиальным. Тот умер три года спустя. Еще 14 лет спустя рукописи попали в иностранные редакции, после чего роман печатался без ведома и согласия обладателей авторских прав.

Казалось бы, общего в этих случаях гораздо меньше, чем различий. Но – лишь на первый взгляд.

Если верить мемуарам С.И. Липкина, именно он сохранил рукопись, с которой делались фотокопии, отправленные заграничным издателям. А согласно воспоминаниям тех, кто непосредственно

участвовал в подготовке иностранных публикаций, копировались как минимум два отнюдь не идентичных экземпляра²¹.

По словам Липкина, копии изначально были отправлены только в редакцию парижского журнала «Континент». Там некоторые главы романа и печатались, что мемуарист отметил. Но умолчал или не знал, что другие появились тогда же на страницах «Посева» и «Граней»²². При этом нет сведений, что негативы или напечатанные фрагменты были туда кем-либо переданы.

Есть и еще совпадение. Рукописи Гинзбург и Гроссмана попали за границу, когда начинался очередной этап полемики о «лагерной прозе» Солженицына. Как будто демонстрировалось, что он не единственный, имеющий отношение к такой теме.

Наконец, о главном совпадении. Гинзбург и Гроссман изначально предложили свои рукописи «Новому миру», и оба произведения или их фрагменты перекочевали впоследствии в издательство «Посев».

Кстати, нет сведений о каких-либо расследованиях в связи с этим. Сотрудники КГБ словно ничего и не видели. Поистине загадка.

Примечания

- ¹ *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Кн. 1. Milano: Mandadori, 1967; *Она же.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Frankfurt a/M.: Possev, 1967; *Она же.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Кн. 2. Milano: Mandadori, 1979; *Она же.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности // Даугава. 1988. № 7 (133). С. 6–58; № 8 (134). С. 9–64; № 9 (135). С. 3–49; № 10 (136). С. 3–52; № 11 (137). С. 3–43; № 12 (138). С. 3–50; 1989. № 1 (139). С. 3–43; № 2 (140). С. 3–43; № 3 (141). С. 3–46; № 4 (142). С. 3–33; № 5 (143). С. 3–42; № 6 (144). С. 3–35.
- ² *Курганов И.А.* Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968. С. 93–94; *Мальцев Ю.В.* Вольная русская литература 1955–1975. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976. С. 235–240; *Свирский Г.Ц.* На лобном месте: литература нравственного сопротивления (1946–1986). Лондон: Overseas, 1979. С. 272–278; *Литвин А.Л.* Два следственных дела Евгении Гинзбург / Сост. и авт. вступ. ст. А.Л. Литвин; предисл. В.П. Аксёнова. Казань: Книжный Дом; Тавес, 1994; *Conquest R. Kolytina: The Arctic Death Camps.* Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 176–200; *Lowe D. E.* Ginzburg's Krutoj Maršrut and A. Aksenov's Ožog: The Magadan Connection // The Slavic and East European Journal. 1983. Vol. 27 (№ 2). P. 200–210.
- ³ Здесь и далее цит. по: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Milano: Mandadori, 1979. С. 371–372.
- ⁴ *Гинзбург Е.С.* Письмо Твардовскому А.Т., 3 января 1963 // РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 9. Ед. хр. 81. Л. 5.

- ⁵ Там же. Л. 6.
- ⁶ *Твардовский А.Т.* Письмо Гинзбург Е.С., 26 декабря 1963 // РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 9. Ед. хр. 81. Л. 3–4.
- ⁷ *Твардовский А.Т.* Письмо для членов редколлегии журнала «Новый мир» о рукописи «Крутой маршрут» Гинзбург-Аксёновой Е.С., 2 января 1964 // Там же. Ед. хр. 141. Л. 5.
- ⁸ Здесь и далее цит.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Milano: Mandadori, 1979. С. 373–375.
- ⁹ *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут // Посев. 1967. 17 февр.; 24 февр., 3 мар.; 10 мар.
- ¹⁰ *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут // Грани. 1967. № 64. С. 81–111; № 65. С. 51–99; № 66. С. 45–149; 1968. № 67. С. 71–88; № 68. С. 9–100.
- ¹¹ См.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут // Посев. 1967. 17 февр.
- ¹² «Феникс 1966»: Сообщение журнала «Грани» в Париже // Грани. 1967. № 63. С. 5–8.
- ¹³ Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля / Сост. А.И. Гинзбург. Frankfurt a/M.: Possev, 1967.
- ¹⁴ Здесь и далее цит.: *Копелев Л.З., Орлова Р.Д.* Евгения Гинзбург в конце крутого маршрута // Даугава. 1989. № 6 (144). С. 80–99.
- ¹⁵ См.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут // Посев. 1967. 17 февр.
- ¹⁶ См.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут // Грани. 1967. № 64. С. 81.
- ¹⁷ См.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Frankfurt a/M.: Possev, 1967. С. 3.
- ¹⁸ См., например: Обращение издательства «Посев» к литературной молодежи и студенчеству, к писателям, поэтам, литературным критикам, к деятелям искусства, науки и техники – ко всей российской интеллигенции // Грани. 1967. № 63. С. 222–224.
- ¹⁹ *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Milano: Mandadori, 1979. С. 375–376.
- ²⁰ См.: *Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М.* Интрига и судьба Василия Гроссмана // Вопросы литературы. 2010. № 6. С. 153–182.
- ²¹ См.: *Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М.* К истории публикации романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» или «Как это было» у Б. Сарнова // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 45. С. 175–203.
- ²² См.: *Гроссман В.С.* Природное стремление человека к свободе неистребимо // Посев. 1975. № 7. С. 53–55; *Он же.* За правое дело: Отрывок из второго тома романа // Грани. 1975. № 97. С. 3–32.